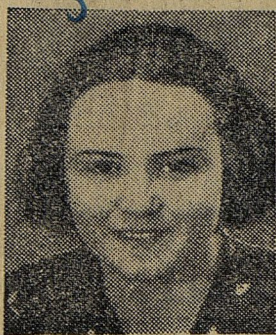

СЕРДЦЕ МУЖЕСТВЕННОЕ И НЕЖНОЕ

Есть в Москве тихий переулочек, носящий имя Наташи Качуевской. Кто же такая Наташа?

Сегодня мы публикуем письма Наташи Качуевской с фронта, воспоминания о ней товарищей, преподавателей театрального института, фронтовых соратников. Первое слово предоставляется однополчанину Наташи гвардии майору запаса И. Шаипову.

КОГДА началась Великая Отечественная война, комсомолка Наташа Качуевская была студенткой театрального института. Вместе со своими товарищами она строит укрепления под Москвой. Когда институт эвакуировали в глубь страны, Наташа осталась в Москве и создала театральную бригаду для обслуживания воинских частей и госпиталей.

Много раз Наташа писала заявления в военкомат, в Московский горком комсомола и просила направить ее на фронт. Наконец в июле 1942 года девушку по путевке Центрального Комитета комсомола направили в 16-ю авиадесантную бригаду. Ее определили в санчасть. Вместе с другими десанниками Наташа совершала прыжки с самолета. Эту смелую девушку любили все.

В августе 1942 года бригада, где служила Наташа, была перебросена на южный участок Сталинградского фронта.

Гвардейцы с ходу вступили в бой с отборными частями фашистских дивизий СС «Мертвая голова» и «Викинг». Наташа всегда была там, где разгорались самые ожесточенные схватки. А ночью, если наступало короткое затишье, она садилась в уголке землянки и при свете копилки писала письма домой, чтобы успокоить мать, родных. В письмах она ободряла близких, просила их не волноваться о ней, писала, что наш народ победит.

19 ноября 1942 года глубокой ночью гвардейцы в ночном бою выбили немцев из укрепленного участка. Но сорок пять бойцов вместе с Наташей оказались отрезанными от своей части. На рассвете фашисты начали яростные атаки на наши позиции. Гвар-

дейцы подпускали их на близкое расстояние и расстреливали в упор. Однако редели и наши ряды. Наташа ползком пробиралась к раненым, выносила их с поля боя в окопы, перевязывала. А когда враг предпринимал новые атаки, сама брала в руки автомат. Ее бесстрашие воодушевляло бойцов, даже раненные не выпускали из рук оружие.

Фашисты подтянули крупнокалиберные минометы и с новой силой обрушились на окопы. Ударил и вражеская артиллерия. Казалось, небо пылало над окопами, земля дрожала, воздух гудел от разрывов снарядов. В строю осталось вместе с Наташей всего девять гвардейцев. Но они держались! Обстановка создавалась тяжелая. Вот уже нет ни одного здорового бойца: кто не убит — тот ранен. Только Наташа была невредима. А враги снова и снова бросаются в атаки. Мы заметили, что к нам ползет раненый боец Наприенко. Наташа через поле побежала к нему навстречу. Немецкие автоматы бросились наперерез. Но девушка не испугалась и вступила в неравный бой. Она убила несколько гитлеровцев, но и сама была ранена. Враги приближались. Когда они были рядом, Наташа подорвала гранаты. Гитлеровцы были уничтожены, но и Наташу смертельно ранило. Взрывной волной ее отбросило в сторону. Когда я подполз к Наташе, она лежала вниз лицом. Я осторожно приподнял ее голову, на меня смотрели светлые глаза. Мы перенесли Наташу в укрытие, перевязали раны, дали ей напиток. Она не стонала. Вдруг Наташа спросила:

— Товарищ майор, вы меня слышите?

— Слышу, Наташа.

— Я вот что думаю. Каждый человек зачем-нибудь на свет рождается. Один, чтобы всю жизнь полезное дело делать, другой, чтобы один только раз встать во весь рост и крикнуть: «Вперед!». Это ничего, что он мало прожил. Важно, что он сделал. Важно, что в общую человеческую книгу ляжет хотя бы одна его запятая. И я поставила свою запятую. Мне видна и вся книга...

Так ее не стало.

Иса ШАИПОВ,

гвардии майор запаса, редактор газеты «Ленинский путь».

Чечено-Ингушская АССР.

Письма Наташи

Дорогие мои, как я скучаю без ваших писем, ничего ведь не получаю уже третий месяц. Представляю себе, как вы волнуетесь, если и от меня не получаете столько же времени. Но этого не может быть, так как я пишу почти каждый день...

Ничего, мы еще увидимся и, может, уже скоро я вернусь с победой. Не волнуйтесь за меня, не страдайте, все будет хорошо, в конце концов. Трудно победы добиться, но все же можно. И мы ее добьемся, вот увидите!

Гвардии медсестра КАЧУЕВСКАЯ Н. А.,
п/п 2142, Отдельный гвардейский медсанбат.
(Из письма родным).

А победу мы у Гитлера с горлом вырвем, с кровью. Тяжело добыть победу, но мы ее добудем во что бы то ни стало. Ненависть жжет наши сердца. Сегодня я видела пятерых сирот, чудесные ребятки. Младший Вовик 2-х лет, вылитый наш Андрюшка. Они жили здесь, проходили гитлеровцы, заняли их деревню, убили мать и отца. Вовик, понимаешь, потянулся ко мне и говорит: «Мама».

Я не плакала, но ненависть переполняет меня за все, за тебя, за разбитую нашу молодую жизнь, за всех любимых наших родных, у которых жизнь тоже искалечилась.

За этих вот ребятшек, за Вовку, который мне говорит «мама», хочется зубами рвать. Я просто временами закипаю от всех мыслей, от ненависти к проклятому зверю, напавшему на нашу землю. Столько страданий нам он принес, нарушив жизнь, работу, учебу.

Конец сентября 1942 г.
(Из письма к матери).

Как я соскучилась о тебе, моя мамочка! Скорее бы уж получить от тебя письмецо, а они, как назло, идут сюда долго-долго. Не волнуйся за меня, у меня все благополучно: жива, здорова, работаю, сплю и ем хорошо, выгляжу прекрасно. Загорела, поздоровела, силы прибавилось. Только уж очень о тебе соскучилась, так хочется увидеть, посидеть вместе, расцеловать крепко.

Береги себя для меня, не убивайся, не волнуйся за меня, кушай, отдыхай, я тебе вышлю на днях аттестат, если не хватит — продай все мое. Живы будем — наживем, только поправляйся, не болей.

Целую крепко-крепко. Пиши.
Твоя НАТАША.

26.8.42.

Дорогая моя Лялечка!

Спасибо тебе за письмо, мне было очень приятно узнать, что моя дорогая сестричка меня не забыла! Милая моя девочка! Наша часть была гадов-фрицев крепко, по-гвардейски, а потом мы были на отдыхе. А сейчас опять они от нас начинают получать по первое число. Так и надо этой погань за то, что нарушили нашу мирную жизнь, разбросали нашу дорогую семью во все стороны. Вот от Павла Павловича уже 7 месяцев нет ни слуху, ни духу. Я буду мстить фрицам за своего мужа, за все мне гады ответят. Хочу быть снайпером, чтобы, как Людмила Павличенко, самой убивать фашистов.

А пока я, как за родными братьями своими, ухаживаю за нашими ранеными. Они меня тоже, как сестру свою, любят, говорят: «Сестричка, наша Наташа!» И так хорошо сознавать, что твоя помощь и ласка им дорога. Я горжусь, что ты и мама твоя и моя помогаете фронту. Скорее разобьем гадов и будем вместе. Жду письма. Пиши на новый адрес и фамилию. Поцелуй маму.

НАТА.

(Письмо адресовано Веронике Якубовской, двоюродной сестре Наташи).

О Наташе

Первый год учебы. Наташа — член комитета комсомола. Как и все, делала сложные театральные этюды, «зубрила» страницы учебников, помогала товарищам на зачетах и экзаменах — все стремительно, во все вкладывала душу. Даже стряпая воображаемые винегреты и компот, так яростно солила первый и сладкий второй, что класс хохотал: «Наташа без души даже винегрет делать не может...»

А когда эту воображаемую кулинарию Наташа стремительно несла куда-то, класс кричал: «А это она торопится в больницу, к Васе Пластинину...»

Отзывается на жизнь, на радости и беды, вкладывает душу в любое, самое маленькое дело — вот главные черты Наташиного характера. Вот они и определили ее подвиг. Могла ли она, когда Родина в беде, не отозваться на ее зов, собственной грудью не защищать ее на самой передовой линии? Могла ли она думать о грозившей ей опасности, если на поле боя лежали раненные товарищи-бойцы? С той же горячей стремительностью, с которой она «влетала» в институт, чтоб завоевать свое будущее советского художника, она погибла, защищая нашу землю! Так прожила свою короткую жизнь наша Наташа, сделав все, что она могла сделать для вас, молодежь 60-х годов. И для

себя, потому что жить иначе для нее, гражданина и художника, значило не жить!

(Из воспоминаний В. И. МАРТЬЯ-НОВОЙ, преподавателя института).

Еще до начала занятий в институте я слышала, что на нашем курсе будет учиться одна очаровательная девушка, которая произвела на всю комиссию необыкновенное впечатление. Потом я ее увидела. Это была Наташа...

Она была действительно очаровательная, необычайно энергичная, стремительная, а уж комсомольского задора у нее было хоть отбавляй!

Наташа оказалась одаренной актрисой. Был у нее и другой талант — человеческий. Она стала нашей комсомольской совестью.

Помню, наш 1-й курс устраивал вечер в институте, в котором принимали участие все курсы и студии. Наташа всем нам буквально не давала покоя, она была везде, успевала всюду. Там, куда она приходила, становилось веселее, оживленнее и работа спорилась.

О Наташе невозможно говорить — была. Она есть, она вечно будет в памяти тех, кто ее знал.

(Из воспоминаний Л. АНТОНЮК, народной артистки РСФСР).

Дорогая, хорошая моя Александра Леонидовна!

Я пишу вам под страшным впечатлением, после разговора с сестрой по телефону. От нее только что узнала о смерти Наташи. Я не знаю, зачем пишу вам, не соображаю, что можно сказать утешительного, но хочется обратиться к вам и с вами вспомнить о светлой дорогой девочке, так безвременно погибшей. У меня такое же тяжелое, незаживающее горе...

Пишу вам и вспоминаю о том дне, когда ласковая, чудная, приветливая Наташа провожала Толечку на фронт. Я ее видела тогда в первый раз, и она поразила меня своим добрым отношением ко мне, своим обаянием. И потом всегда любовалась ею, часто думала: где она сейчас озаряет, как солнце, все и всех своим присутствием?

Помню, как зашла в госпиталь, где лежал Андрей Гончаров, и, глядя на Наташу, подумала о том, что есть на свете такие хорошие люди, при мысли о которых становится легче и теплее жить.

Единственно, кого мне хотелось видеть из Толечкиных товарищей, с кем мечтала поговорить о нем, была ваша дочь. И вот нас обеих постигло одинаковое сокрушительное горе...

Как-то жизнь раскидала нас в разные стороны, но мне хочется сказать вам, что светлая память о дорогой погибшей вашей девочке всегда будет дорога мне.

Крепко обнимаю вас. Преданная вам
ПОГОРЕЛЬСКАЯ Ада Семеновна.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

37-22; отдел комсомольской жизни —
ки — Д 3-34-86; отдел сельской
а — Д 3-38-49; отдел фельетонов —
и Д 3-35-20.

Изд. № 263.

„Комсомольская правда“
г. МОСКВА

20 ФЕВ 1963